

H.G.WELLS

THE STORY OF THE INEXPERIENCED GHOST
(excerpt)

The scene amidst which Clayton told his last story comes back very vividly to my mind. There he sat, for the greater part of the time, in the corner of the authentic settle by the spacious open fire, and Sanderson sat beside him smoking the Broseley clay that bore his name. There was Evans, and that marvel among actors, Wish, who is also a modest man. We had all come down to the Mermaid Club that Saturday morning, except Clayton, who had slept there overnight—which indeed gave him the opening of his story. We had golfed until golfing was invisible; we had dined, and we were in that mood of tranquil kindness when men will suffer a story. When Clayton began to tell one, we naturally supposed he was lying. It may be that indeed he was lying—of that the reader will speedily be able to judge as well as I. He began, it is true, with an air of matter-of-fact anecdote, but that we thought was only the incurable artifice of the man.

“I say!” he remarked, after a long consideration of the upward rain of sparks from the log that Sanderson had thumped, “you know I was alone here last night?”

“Except for the domestics,” said Wish.

“Who sleep in the other wing,” said Clayton.

“Yes. Well—” He pulled at his cigar for some lit-

Г.УЭЛЛС

НЕОПЫТНОЕ ПРИВИДЕНИЕ
(отрывок)

Перевод А. Туфанова

Обстановка, при которой Клейтон рассказывал свою последнюю историю, очень живо встает у меня в памяти. Большую часть вечера он сидел в углу возле большого камина, а Сандерсон сидел рядом и покуривал свою брослейскую трубку, которая так и называлась «трубка Сандерсона». Был тут еще Ивенс, а также Уиш – это чудо среди актеров и в то же время скромный человек. В эту субботу утром мы все собрались в клубе «Сирена», за исключением Клейтона, который провел ночь там, что, в сущности, и послужило началом его истории. Мы играли в гольф, пока не стемнело, обедали и были в настроении молчаливого благодушия, при котором люди терпеливо слушают рассказы. Когда Клейтон начал рассказывать, мы, по обыкновению, подумали, что он врет. Быть может, он действительно врал, в этом читатель скоро и сам будет в состоянии разобраться настолько же насколько и я. Правда, начал он свой рассказ в манере весьма прозаической, но мы подумали, что тут сказывается только неискоренимое искусство этого человека.

– Так вот, – начал он после долгого созерцания взвывающегося дождя искр от полена, которое Сандерс разбивал в камине. – Вы знаете, что я провел здесь ночь в одиночестве.

– Не считая слуг, – заметил Уиш.

– Которые спали в другом флигеле, – возразил Клейтон. – Да! Ну, и... – На несколько секунд он

Г.УЭЛЛС

НЕОПЫТНОЕ ПРИВИДЕНИЕ
(отрывок)

Перевод И.М.Бернштейн

Я очень живо помню, как все это было, когда Клейтон рассказал нам свою последнюю историю. Вижу, как сейчас: он сидит у пылающего камина, в углу знаменитого елизаветинского дивана, а рядом с ним Сандерсон покуривает свою неизменную глиняную трубку, на мундштуке которой выгравирована его фамилия. С нами были еще Эванс и Уиш, это чудо среди актеров и, кстати сказать, очень скромный человек. Мы все съехались в клуб «Сирена» в субботу утром, кроме Клейтона, который там ночевал, – с этого, собственно, он и начал свой рассказ. День мы провели за игрой в гольф, пока не наступили сумерки, потом обедали, и теперь все пребывали в том благодушном настроении, которое располагает человека послушать какую-нибудь занятную историю. Когда Клейтон начал рассказывать, мы, естественно, решили, что он выдумывает. Он и в самом деле, может быть, выдумывал – об этом читатель в самом ближайшем будущем сможет судить не хуже моего. Правда, он начал серьезно, как рассказывают о каком-нибудь действительном происшествии, но мы тогда сочли это уловкой неискоренимого враля.

– Между прочим, – начал он, вволю налюбовавшись огненным дождем искр, летевших вверх из полена, которое разбивал Сэндерсон, – знаете, я ведь ночевал здесь сегодня один.

– Не считая слуг, – заметил Уиш.

– Которые спят в другом крыле, – сказал Клей-

the time as though he still hesitated about his confidence. Then he said, quite quietly, “I caught a ghost!”

“Caught a ghost, did you?” said Sanderson. “Where is it?”

And Evans, who admires Clayton immensely and has been four weeks in America, shouted, “Caught a ghost, did you, Clayton? I’m glad of it! Tell us all about it right now.”

Clayton said he would in a minute, and asked him to shut the door. He looked apologetically at me. “There’s no eavesdropping of course, but we don’t want to upset our very excellent service with any rumours of ghosts in the place. There’s too much shadow and oak panelling to trifle with that. And this, you know, wasn’t a regular ghost. I don’t think it will come again—ever.”

“You mean to say you didn’t keep it?” said Sanderson.

“I hadn’t the heart to,” said Clayton.

And Sanderson said he was surprised.

We laughed, and Clayton looked aggrieved. “I know,” he said, with the flicker of a smile, “but the fact is it really was a ghost, and I’m as sure of it as I am that I am talking to you now. I’m not joking. I mean what I say.”

Sanderson drew deeply at his pipe, with one reddish eye on Clayton, and then emitted a thin jet of smoke more eloquent than many words.

Clayton ignored the comment. “It is the strangest thing that has ever happened in my life.

заялся своей сигарой, как будто все еще боясь открыть тайну. А затем произнес совсем тихо: – Я поймал привидение.

– Поймали привидение, говорите вы?– воскликнул Сандерсон. – Где же оно?

А Ивенс, который безмерно восхищался Клейтоном и пробыл две недели в Америке, крикнул:

– Поймали привидение, говорите вы, Клейтон? Как я рад! Расскажите нам сейчас про это.

Клейтон заявил, что сию минуту начнет, только попросил закрыть дверь.

Он взглянул на меня, как бы ища оправдания...

– Здесь, конечно, никто не подслушивает. Только бы нам не напугать здешней прислуги. Ведь если пойдет слух о привидениях в этих местах... Здесь слишком много теней и дубовой обшивки, чтобы шутить с этим. А это, видите ли, было не совсем обыкновенное привидение, и я думаю, что едва ли оно снова явится когда-либо.

– Значит, вы не удержали его?– спросил Сандерсон.

– У меня не хватило духу,– ответил Клейтон.

Тогда Сандерсон заметил, что его это удивляет.

Мы засмеялись, а Клейтон как будто огорчился.

– Я знаю,– продолжал он с некоторым проблеском улыбки, – но факт тот, что это в самом деле было привидение, и я уверен в этом так же, как в том, что сейчас говорю с вами. Я не шучу. Я знаю, что говорю.

Сандерсон глубоко затянулся трубкой, поглядывая красноватыми глазами на Клейтона, и затем выпустил тонкую струйку дыма, более красноречивого, чем иные слова.

тон. – Н-да. Так вот...

Некоторое время он молча посасывал сигару, словно все еще сомневался, стоит ли быть с нами откровенным. Наконец сказал удивительно спокойным, обыкновенным тоном:

– Я поймал привидение.

– Привидение? – переспросил Сэндерсон. – Где же оно?

А Эванс, который всегда был большим поклонником Клейтона и только что возвратился из Америки, где провел целый месяц, сразу завопил:

– Привидение, Клейтон? Прекрасно! Расскажите же нам, как все это было!

Клейтон ответил, что сейчас расскажет, и попросил его прикрыть дверь.

– Разумеется, здесь не подслушивают, – пояснил он, как бы извиняясь передо мною, – но у нас тут дело так прекрасно поставлено, не хотелось бы вносить сумятицу разговорами о привидениях. Здание здесь, знаете, темноватое, и дубовые панели по стенам – не стоит этим шутить. Да и привидение это было не обычное. Я думаю, оно больше сюда не вернется, никогда не вернется.

– Значит, вы его не задержали? – спросил Сэндерсон.

– Я его пожалел.

Сэндерсон выразил удивление. А мы все рассмеялись. Но Клейтон, криво усмехнувшись, сказал с легкой досадой:

– Я знаю. Но дело в том, что это действительно было привидение, я в этом так же уверен, как и в том, что вот сейчас говорю с вами. Я не шучу. Это правда.

Сэндерсон глубоко затянулся своей трубкой,

You know, I never believed in ghosts or anything of the sort, before, ever; and then, you know, I bag one in a corner; and the whole business is in my hands.”

He meditated still more profoundly, and produced and began to pierce a second cigar with a curious little stabber he affected.

“You talked to it?” asked Wish.

“For the space, probably, of an hour.”

“Chatty?” I said, joining the party of the sceptics.

“The poor devil was in trouble,” said Clayton, bowed over his cigar-end and with the very faintest note of reproof.

“Sobbing?” some one asked.

Clayton heaved a realistic sigh at the memory. “Good Lord!” he said; “yes.” And then, “Poor fellow! yes.”

“Where did you strike it?” asked Evans, in his best American accent.

“I never realised,” said Clayton, ignoring him, “the poor sort of thing a ghost might be,” and he hung us up again for a time, while he sought for matches in his pocket and lit and warmed to his cigar.

“I took an advantage,” he reflected at last.

We were none of us in a hurry. “A character,” he said, “remains just the same character for all that it’s been disembodied. That’s a thing we too often forget. People with a certain strength or fixity of purpose may have ghosts of a certain

Клейтон не обратил на это внимания.

– Это самый странный случай в моей жизни. Вы знаете, что я никогда до этого не верил в привидения и ни во что подобное, а тут, понимаете, загнал его в угол; теперь весь материал у меня в руках.

Он погрузился в еще более глубокое раздумье, достал и начал обрезать вторую сигару своей маленькой, странного вида сигарной гильотинкой.

– Говорили вы с ним, – спросил Уиш.

– Приблизительно около часа.

– Болтливое оказалось? – заметил я, присоединившись к группе скептиков.

– Очень смущен был, бедняга, – продолжал Клейтон, наклоня голову к сигаре, и в словах его слышался легкий оттенок порицания.

– Что же, оно рыдало? – спросил кто-то.

Вспомнив все, Клейтон искренно вздохнул.

– Боже мой, – воскликнул он, – конечно. – И прибавил: – Бедняга!.. Конечно.

– Где же вы наткнулись на него? – спросил Ивенс со своим самым лучшим американским акцентом.

– Я никогда и не воображал, – продолжал Клейтон, игнорируя его, – какими жалкими созданиями могут быть эти привидения! – И на некоторое время он отвернулся от нас, пока искал спички в кармане, чтобы чиркнуть и разжечь сигару. – Я имел случай убедиться в этом, – наконец задумчиво произнес он.

Мы не торопили его.

– Характер, – продолжал он, – остается тем же самым, если существо стало и бестелесным. Об этом мы слишком часто забываем. Люди, с извест-

искоса поглядывая на Клейтона красноватым глазом, и выпустил в его сторону тонкую струю дыма, что было красноречивее всяких слов.

Но Клейтон не обратил внимания на этот выпад.

– Ничего более странного со мной в жизни не случалось. Понимаете, я никогда раньше не верил в духов и во всякую чертовщину, никогда, и вдруг, пожалуйста, загоняю в угол настоящее привидение. Хлопот у меня с ним было – не оберешься.

Он опять погрузился в раздумье и, машинально вытащив вторую сигару, обрезал ее забавным особым ножичком, который он с собою всегда носил.

– Вы с ним говорили? – спросил Унш.

– Да, наверное, с час, не меньше.

– И что ж он, разговорчив? – поддел я его, беря сторону скептиков.

– Бедный дух попал в затруднение, – ответил Клейтон, склонившись над сигарой, и в тоне его слышался легкий упрек.

– Рыдал? – спросил кто-то.

Клейтон испустил очень правдоподобный вздох.

– Боже ты мой, да! – сказал он. – Еще как, бедняга!

– Где же вы его застукали? – спросил Эванс с чистопробным американским акцентом.

– Я и не предполагал, – продолжал Клейтон, не отвечая ему, – каким жалким может быть привидение.

Он снова прервал рассказ, пока нашаривал в кармане спички, зажигал и раскуривал свою сигару. Но нам было не к спеху.

– Бедный. Мне-то было легко, – сказал он за-

strength and fixity of purpose—most haunting ghosts, you know, must be as one-idea'd as monomaniacs and as obstinate as mules to come back again and again. This poor creature wasn't." He suddenly looked up rather queerly, and his eye went round the room. "I say it," he said, "in all kindness, but that is the plain truth of the case. Even at the first glance he struck me as weak."

He punctuated with the help of his cigar.

"I came upon him, you know, in the long passage. His back was towards me and I saw him first. Right off I knew him for a ghost. He was transparent and whitish; clean through his chest I could see the glimmer of the little window at the end. And not only his physique but his attitude struck me as being weak. He looked, you know, as though he didn't know in the slightest whatever he meant to do. One hand was on the panelling and the other fluttered to his mouth. Like—So!"

"What sort of physique?" said Sanderson.

"Lean. You know that sort of young man's neck that has two great flutings down the back, here and here—so! And a little, meanish head with scrubby hair—And rather bad ears. Shoulders bad, narrower than the hips; turn-down collar, ready-made short jacket, trousers baggy and a little frayed at the heels. That's how he took me. I came very quietly up the staircase. I did not carry a light, you know—the candles are on the landing table and there is that lamp—and I was in my list slippers, and I saw him as I came up. I stopped

ной силой и настойчивостью ставящие себе какую-нибудь цель, могут иметь призраки, с силой и настойчивостью стремящиеся к той же цели; большинство привидений, видите ли, так же может быть предано одной идее, как маниаки, и может так же упрямо, как мулы, постоянно возвращаться к одному и тому же. Но это бедное создание было не из таких. — Он вдруг как-то странно поглядел вверх и обвел глазами комнату. — Я говорю это — продолжал он, — с самыми лучшими чувствами, но что же делать, если такова правда. Даже при первом взгляде он поразил меня своей хилостью.

Сигарой своей Клейтон как будто ставил знаки препинания.

— Я, знаете, наткнулся на него там, в длинном коридоре. Он был спиной ко мне, и я первый его увидел. Я сразу признал его за привидение. Он был прозрачен и беловат. Сквозь его грудь я мог ясно видеть тусклый свет в конце коридора. И не только его облик, даже сама его поза говорила о том, что передо мной хилое существо. Он, понимаете, имел такой вид, как будто совершенно не знал, что, собственно, он хочет делать. Однако рука его лежала на дубовой панели, а другая дрожала около рта. Вот так!

— Каков же он был физически?— спросил Сандерсон.

— Тощий. Знаете, такие бывают шеи у юношей — с двумя ямками вот тут и вот тут! Маленькая низкая голова с жалкими волосами и довольно безобразными ушами. Узкие плечи, уже бедер, короткий пиджак из магазина готового платья, штаны мешком и с бахромой над каблуками. В таком виде он предстал передо мной. Я спокойно поднимался

думчиво. — Характер, — продолжал он, — сохраняется, даже когда человек теряет свою телесную оболочку. Обычно мы об этом забываем. Если человек волевой и целеустремленный, то и дух его будет волевым и целеустремленным, — большинство привидений, я думаю, такие же рабы навязчивой идеи, как и любой маньяк на земле, и упрямы, что твой осел, раз так настойчиво возвращаются все на то же место. Но этот бедняга совсем другой.

Клейтон вдруг поднял голову и странным взглядом обвел комнату.

— Я ничего обидного не хочу сказать, — проговорил он, — но все дело именно в этом: он с первого взгляда произвел на меня впечатление слабого человека.

Он говорил, помахивая зажженной сигарой.

— Знаете, я встретил его вон там, в длинном коридоре. Он стоял ко мне спиной, и я первый его заметил. Я сразу же сообразил, что это — привидение. Он был весь прозрачный, такой белесоватый. Прямо сквозь спину его видно было окошко в дальнем конце коридора. Но не только во всем его облике, даже в самой его позе было что-то слабое. Понимаете, он стоял, как человек, понятия не имеющий, что ему делать дальше. Одной рукой держался за стену, а другую прижал к губам — вот так!

— А собой он каков? — спросил Сэндерсон.

— Тщедушный. Знаете, такая шея тонкая, с двумя ложбинками позади ушей — вот тут и тут. Маленькая плоская голова, волосы торчком, уродливые уши. И плечи никудышные, поуже бедер; отложной воротник, дешевый пиджак, брюки мешковатые, обтрепанные над каблуками. Вот таким

dead at that—taking him in. I wasn't a bit afraid. I think that in most of these affairs one is never nearly so afraid or excited as one imagines one would be. I was surprised and interested. I thought, 'Good Lord! Here's a ghost at last! And I haven't believed for a moment in ghosts during the last five-and-twenty years.'"

"Um," said Wish.

"I suppose I wasn't on the landing a moment before he found out I was there. He turned on me sharply, and I saw the face of an immature young man, a weak nose, a scrubby little moustache, a feeble chin. So for an instant we stood — he looking over his shoulder at me and regarded one another. Then he seemed to remember his high calling. He turned round, drew himself up, projected his face, raised his arms, spread his hands in approved ghost fashion—came towards me. As he did so his little jaw dropped, and he emitted a faint, drawn-out 'Boo.' No, it wasn't—not a bit dreadful.

I'd dined. I'd had a bottle of champagne, and being all alone, perhaps two or three—perhaps even four or five—whiskies, so I was as solid as rocks and no more frightened than if I'd been assailed by a frog. 'Boo!' I said. 'Nonsense. You don't belong to this place. What are you doing here?'

"I could see him wince. 'Boo-oo,' he said.

"'Boo—be hanged! Are you a member?' I said; and just to show I didn't care a pin for him I

по лестнице. Света я с собой не прихватил, — свечи и лампа стоят на столике, на площадке лестницы, — и был я в своих мягких туфлях. И вот когда я поднимался наверх, я увидел его... Я остановился сзади очень близко и явно привел его в ужас. А сам я ни крошечки не был испуган. Я думаю, что в таких случаях человек вовсе не бывает так испуган или возбужден, как воображают. Я был удивлен и заинтересован. Я думал: «Боже мой! Наконец-то привидение! А я-то еще не верил в призраки ни минуты в течение последних двадцати пяти лет».

— Гм!— произнес Уиш.

— По-моему, когда я поднялся на площадку, он в тот же миг почувствовал меня. Вот почему он тотчас же повернулся: передо мной было лицо какого-то незрелого молодого человека, слабый нос, маленькие, жалкие усики, слабо развитый подбородок. На мгновение мы остановились, — он глядел через плечо, — и смотрели друг на друга. Затем он как будто вспомнил о своем высоком призвании. Повернулся кругом, приосанился, откинул голову, поднял руки, распростер ладони по установленному для привидений образцу и пошел ко мне навстречу. А в то же время жалкая его челюсть отвисла, и он слабо, сдавленно крикнул:

— Бу-у!

Нет, это было ни капли не страшно. Я недавно пообедал и выпил бутылку шампанского, — я чувствовал себя совсем одиноким, — и выпил, может быть, две или три, а может быть, даже четыре или пять рюмок виски. Поэтому я был тверд, как утес, и не более испуган, чем если бы лягушка прыгнула на меня.

— Бу-у! — сказал я. — Пустяки. Вы чужой этому

он передо мной и предстал. Я спокойно поднимался по лестнице. Свечки я не нес: свечи стояли там, на столике на лестничной площадке, да и лампа горела, — и на ногах у меня были комнатные туфли. Поднявшись наверх, я сразу его заметил. Остановился как вкопанный и принялся его разглядывать. И, представьте, ничуть не испугался. Наверное, в таких случаях вообще никогда не бывает так страшно, как люди воображают. Удивился, конечно, и заинтересовался очень. «Господи ты боже мой, — думаю, — привидение! Наконец-то!» А ведь я вот уж двадцать пять лет как и на секунду не допускал существования привидений.

— Гм, — сказал Уиш.

— Но через минуту он, вероятно, почувствовал мое присутствие на площадке. Он резко повернул голову, и я увидел профиль незрелого юнца, маленький нос, усы щеточкой, слабо очерченный подбородок. Так мы с ним стояли — он смотрел на меня через плечо — и разглядывали друг друга. Потом он, видно, вспомнил свое высокое призвание. Повернулся, вытянулся, голова вперед, руки вверх, пальцы растопырил, как полагается привидению, и двинулся мне навстречу. При этом челюсть его отвисла, и он слабо, протяжно завыл: «Бу-у-у!» Нет, это было совсем не страшно. Я только что пообедал. Выпил бутылку шампанского и от одиночества прихватил еще две или три, нет, наверное, четыре или даже пять порций виски. Так что я оставался тверд, как скала, и испугался его не больше, чем если бы на меня стала наступать лягушка. «Бу, — говорю, — какая чепуха! Вы не принадлежите к этому клубу. Что же вы здесь делаете?»

Вижу, он вздрогнул. И снова за свое: «Бу-у-у!

stepped through a corner of him and made to light my candle. 'Are you a member?' I repeated, looking at him sideways.

"He moved a little so as to stand clear of me, and his bearing became crestfallen. 'No,' he said, in answer to the persistent interrogation of my eye; 'I'm not a member—I'm a ghost.'

"Well, that doesn't give you the run of the Mermaid Club. Is there any one you want to see, or anything of that sort?" and doing it as steadily as possible for fear that he should mistake the carelessness of whisky for the distraction of fear, I got my candle alight. I turned on him, holding it. 'What are you doing here?' I said.

"He had dropped his hands and stopped his booing, and there he stood, abashed and awkward, the ghost of a weak, silly, aimless young man. 'I'm haunting,' he said.

"You haven't any business to," I said in a quiet voice.

"I'm a ghost," he said, as if in defence.

"That may be, but you haven't any business to haunt here. This is a respectable private club; people often stop here with nursemaids and children, and, going about in the careless way you do, some poor little mite could easily come upon you and be scared out of her wits. I suppose you didn't think of that?"

"No, sir," he said, 'I didn't.'

"You should have done. You haven't any claim on the place, have you? Weren't murdered

месту. Что вы делаете здесь?

Я заметил, как он нахмурился.

– Бу-у,– произнес он еще раз.

– Бу-у, черт бы вас взял! Вы член клуба? – продолжал я, и именно чтобы показать, что мне нет никакого дела до него, я шагнул сквозь него и зажег свечу. – Так вы не член, – повторил я, глядя на него искоса.

Он немного шевельнулся, чтобы выпутаться из меня, и его облик стал унылым.

– Нет, – произнес он в ответ настойчивому вопросу моих глаз, – я не член клуба, я – призрак.

– Хорошо, но это не дает вам права расхаживать по клубу. Разве тут есть кто-нибудь, кто вы желаете видеть, или что-нибудь в этом роде? – И я зажег свечу, делая это насколько возможно тверже, чтобы он по ошибке не принял некоторую мою неуверенность (причиной ее было виски) за признаки страха. Я повернулся к нему со свечой. – Что вы здесь делаете? – повторил я.

Он опустил руки, перестал повторять свое «бу-у» и стоял смущенный и неуклюжий, дух хилого, глуповатого, болтающегося без дела молодого человека.

– Я преследую,– произнес он.

– Вам совершенно незачем это делать, – заметил я спокойным тоном.

– Я – призрак, – возразил он как бы в оправдание.

– Весьма возможно, но здесь вам совершенно незачем заниматься своими преследованиями. Это почтенный частный клуб, здесь часто останавливаются с няньками и дети, и при подобного рода бесцельных прогулках, какими вы занимаетесь,

Бу-у!» «Вот еще! Разве вы состоите членом клуба? – говорю, и, чтобы показать ему, что он в моих глазах ничто, я прямо шагнул наискось сквозь него и взял со стола свечу. – Вы член клуба?» – снова спрашиваю, глядя на него сбоку.

Он чуть посторонился, чтобы я не занимал его места, и вид у него был при этом угнетенный.

«Нет, – сказал он в ответ на мой вопрошающий взгляд, – я не член этого клуба. Я призрак».

«Это еще не дает вам права доступа в клуб "Сирена". Вы кого-нибудь желаете здесь увидеть?»

Спокойно, не торопясь, чтобы нетвердость моей руки, вызванную вином, он не принял за проявление испуга, я зажег свечу. И повернулся к нему, держа огонь перед собою.

«Что вы здесь делаете?» – спросил я.

Он опустил руки, перестал выть и стоял, смущенный и неловкий, призрак бесхарактерного, глупого юнца.

«Я явился на землю», – говорит.

«Сюда вам совершенно незачем было являться», – сказал ему я твердым голосом.

«Но ведь я привидение», – возразил он в свое оправдание.

«Очень возможно, – говорю, – но сюда вам совершенно незачем являться».

Здесь солидный частный клуб; приезжие останавливаются здесь с детьми, с няньками, а вы бродите здесь так неосмотрительно. Какая-нибудь малышка легко может набрести на вас и насмерть перепугаться. Об этом вы, конечно, не подумали?»

«Нет, сэр, – ответил он, – не подумал».

«А не мешало бы. У вас ведь нет никаких особых притязаний именно на этот дом? Вы не были

here, or anything of that sort?»

“None, sir; but I thought as it was old and oak-panelled—”

“That’s no excuse.’ I regarded him firmly. ‘Your coming here is a mistake,’ I said, in a tone of friendly superiority. I feigned to see if I had my matches, and then looked up at him frankly. ‘If I were you I wouldn’t wait for cock-crow—I’d vanish right away.’

“He looked embarrassed. ‘The fact IS, sir—’ he began.

“I’d vanish,’ I said, driving it home.

“The fact is, sir, that—somehow—I can’t.’

“You can’t?”

“No, sir. There’s something I’ve forgotten. I’ve been hanging about here since midnight last night, hiding in the cupboards of the empty bedrooms and things like that. I’m flurried. I’ve never come haunting before, and it seems to put me out.’

“Put you out?”

“Yes, sir. I’ve tried to do it several times, and it doesn’t come off. There’s some little thing has slipped me, and I can’t get back.’

“That, you know, rather bowled me over. He looked at me in such an abject way that for the life of me I couldn’t keep up quite the high, hectoring vein I had adopted. ‘That’s queer,’ I said, and as I spoke I fancied I heard some one moving about down below. ‘Come into my room and tell me more about it,’ I said. ‘I didn’t, of course, understand this,’ and I tried to take him by the arm. But,

какая-нибудь бедная крошка легко может натолкнуться на вас и испугаться. Мне кажется, вы об этом не подумали.

– Нет, сэр, – ответил он, – не думал.

– А следовало бы. У вас ведь нет никаких прав на этот дом, не правда ли? Разве вы были здесь убиты, или что-нибудь в таком роде?

– Нет, сударь, но я полагал, что это старое и обшитое дубом...

– Это не оправдание. – Я строго посмотрел на него. – Ваше появление здесь – ошибка – продолжал я тоном дружеского превосходства. Я сделал вид, будто разыскиваю спички, а потом откровенно поглядел на него. – Будь я на вашем месте, я бы не ждал бы, пока закричит петух, – сейчас же исчез.

Он, казалось, смутился.

– Дело в том, сэр... – начал он.

– Я бы исчез, – перебил я, направляя его домой.

– Дело в том, сэр, что так или иначе – я не могу.

– Не можете?

– Нет, сэр, я что-то позабыл. Я блуждал здесь со вчерашней полуночи, все прятался в шкафах по пустым спальням и в разных других местах. Я волнуюсь. Я еще никогда до сих пор не преследовал никого, и это, кажется, губит меня.

– Губит?

– Да, сэр. Я пробовал делать это несколько раз, и все не выходит. Я позабыл что-то такое, какой-то пустяк, и вот не могу вернуться.

Ну, уж это, знаете, было слишком для меня. Он посмотрел на мен таким жалким взглядом, что уж

здесь убиты, надеюсь?»

«Нет, сэр, никаких особых притязаний; просто я подумал; раз он такой старый и дубовые панели по стенам...»

«Это вас не извиняет. – Я поглядел на него строго. – Ваше появление здесь было ошибкой, – сказал я снисходительно. Потом я сделал вид, будто ищу спичку по карманам. А потом снова посмотрел на него и сказал напрямик: – На вашем месте я не стал бы дожидаться петухов. Я исчез бы немедленно».

«Дело в том, сэр...» – начал он растерянно.

«Исчез бы», – повторил я для пушей ясности.

«Все дело в том, сэр, что... я... у меня не получается».

«Не получается?»

«Нет, сэр. Вероятно, я что-то забыл. Я здесь со вчерашней полуночи прячусь по закоулкам, по комнатам, в пустых номерах. Сам не знаю, что со мной. Я никогда раньше не являлся и с непривычки чувствую себя совсем сбитым с толку».

«Сбитым с толку?»

«Да, сэр. Я пробовал несколько раз, но у меня ничего не выходит. Верно, я упускаю какую-то мелочь, но из-за этого я не могу вернуться назад».

Я, знаете ли, просто пришел в замешательство. А он глядел на меня так уныло, что я, хоть убейте, не мог продолжать с ним разговор в прежнем высокомерном, назидательном тоне.

«Вот странно, – говорю, и тут мне почудилось, что внизу кто-то ходит. Идемте в мою комнату, – сказал я ему, – и там вы мне все расскажете подробнее. Я ничего не понял».

И я хотел было взять его под руку. Но, разуме-

of course, you might as well have tried to take hold of a puff of smoke! I had forgotten my number, I think; anyhow, I remember going into several bedrooms—it was lucky I was the only soul in that wing—until I saw my traps. ‘Here we are,’ I said, and sat down in the arm-chair; ‘sit down and tell me all about it. It seems to me you have got yourself into a jolly awkward position, old chap.’

потом всю свою жизнь я не смогу вернуться к обычному своему обращению с людьми – довольно-таки высокомерному.

– Странно, – проговорил я, и, в то время, как я говорил, мне определенно послышалось, как будто кто-то ходит внизу. – Пойдемте в мою комнату и расскажите мне об этом подробно, – продолжал я, – я, конечно, не могу понять этого.

И тут я попробовал взять его за руку. Хотя, конечно, с таким же успехом вы могли бы попытаться схватить клуб дыма! Кажется, тогда я забыл свой номер; во всяком случае, помню, что я заходил в несколько спален, – к счастью я был единственной живой душой в этом флигеле, – пока я не нашел своего логовища.

– Вот мы и дома, – сказал я и сел в кресло, – садитесь и расскажите мне все. Мне кажется, старина, что вы поставили себя в довольно неловкое положение.

ется, это было все равно, что хвататься за дым.

Номер своей комнаты я, видно, позабыл, потому что мы с ним заглядывали в одну дверь за другой – хорошо еще, что я был один на всем этаже, – пока наконец я не признал мои пожитки.

«Ну вот, – сказал я и уселся в кресло, – присаживайтесь и расскажите мне все толком. По-моему, вы попали в крайне щекотливое положение, старина».

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html>